

Моя жизнь в моих руках.

*Напрасны страх, тоска и ропот,
когда судьба влечет во тьму;
в беде всегда есть новый опыт,
полезный духу и уму.*

(Игорь Губерман)

Неделя 1. Начало
(25.04 – 01.05)

Я проснулся около восьми часов утра во вторник от жуткой боли в правом локте. Учитывая, что на тот момент мне было уже девятнадцать лет, схожих ощущений я ранее не испытывал или по крайней мере не мог вспомнить. Попытка отыскать в памяти то или иное событие, которое могло бы привести к подобному исходу, закончилась неудачей.

Я сразу отчетливо понял, что нужно срочно ослабить боль. Недалеко в шкафу лежал бинт. Мне стоило немалых усилий подойти к нему и забинтовать руку, потому что она не только сильно болела, но и отказывалась двигаться согласно моим указаниям. В этот день я планировал купить синтезатор, так как интересовался музыкой. Я не терял надежды на осуществление своей цели.

В тот день мне нужно было ехать в институт, но об этом не могло идти и речи. Боль была настолько нестерпима, что мое воображение рисовало далеко не радужные картины моего путешествия, занимающего обычно около часа, не говоря уже о присутствии на занятиях. За окном была стойкая теплая весенняя погода, достаточно редкая для моего города в это время года. Близилась сессия, пора сдачи экзаменов и зачетов, но я не стал сейчас волноваться по этому поводу, ведь я был на третьем курсе и считал, что уж как-нибудь с этим разберусь.

Через некоторое время, после того как я забинтовал руку, мне действительно стало немного легче. Пришлось разбудить маму. Объяснив ей ситуацию, я попросил ввести мне 1000 единиц фактора VIII. Мне казалось, что это рядовое кровоизлияние и этой дозы будет достаточно. Бывали случаи, когда мне помогало и 500 единиц, но в этот раз все сложилось иначе.

Я вновь лег спать, надеясь на скорое исцеление. Но не прошло и трех часов, как я снова проснулся от знакомой боли. Конечно, меня взволновало столь стремительное ухудшение, но больше всего удивляло отсутствие видимых причин, которые бы могли вызвать такое кровотечение. Да и потом, этот сустав очень редко давал о себе знать и, как правило, был здоров. С каждой минутой уложить руку так, чтобы она не болела, становилось все труднее.

Вскоре стало понятно, что выбранной нами с мамой дозой не обойтись, и мы ввели фактор вторично. Теперь это было уже 2000 единиц. Через некоторое время я попытался заснуть, но все было тщетно, рука не отпускала. Мы решили прибегнуть к старому доброму проверенному методу охлаждения сустава. Я пошел в ванную и держал руку под струей холодной воды около получаса. В прошлом, если это не решало проблему целиком, то, как минимум, помогало снять боль на довольно продолжительный срок. Но в этот раз снижение болевого синдрома было настолько незначительным, что мы начали серьезно беспокоиться о том, как правильно лечить такую травму. На первое время мы решили не обращаться к бригаде скорой помощи и вводить препарат дважды в сутки средними дозами, по 2000 единиц.

В течение дня наблюдалась отрицательная динамика кровотечения. Вокруг локтевого сустава начала образовываться обильная опухоль, гематома. Такое было со мной впервые. Я

надеялся, что это просто сильное кровоизлияние, и оно пройдет за несколько дней, максимум неделю. Считая себя вполне трудоспособным и спортивно развитым молодым человеком, не смотря на тяжелую форму гемофилии, рассчитывать на то, что рука восстановится за день или два, я уже не мог.

Вечером ко мне пришел друг, и мы вместе с мамой составили заявление для института о том, что у меня случилось сильное кровотечение. На следующий день он отнес его в мой деканат.

Ночью я практически не спал, рука не давала покоя. Мама тоже не сомкнула глаз, она сильно волновалась. В моменты, когда ты испытываешь страшную боль, ты не можешь сконцентрироваться на чем-то одном. Ноющее место постоянно напоминает о себе, и тогда складывается впечатление, что ты – сплошной комок боли. Такое чувство было и у меня. Кроме правой руки у меня ничего не болело, но я и не ощущал ничего кроме нее. Нет, я не потерял чувствительность, просто я не мог думать ни о чем другом.

Пожалуй, фраза о том, что человек привыкает ко всему, действительно принадлежит гениальному человеку. На протяжении нескольких дней мы следовали выбранной тактике, но к нашему удивлению улучшений не наблюдалось. Я начинал свыкаться с болью, но она отнимала много сил. Ночи по-прежнему проходили в жутких мучениях. Укладывание руки в наиболее безболезненное положение при желании можно было бы назвать искусством. Это была поистине ювелирная работа и, к сожалению, она приносила облегчение ненадолго. Так как я правша, многие тривиальные действия казались мне невыносимыми. Писать я не мог, так как еле шевелил кистью. О том, чтобы поднести ложку или вилку ко рту не могло идти и речи. Пришлось экстерном осваивать курс «левописания» и учиться есть левой рукой. Бриться я не мог и с помощью левой руки. Если я стоял, я должен был держать правую руку левой, иначе она невыносимо болела. Меня брил отец. Это происходило в комнате, так как сидеть на табуретке в ванной в неудобной позе у меня не было сил.

Несколько дней в таком ритме значительно ослабили мое тело. Но меня не покидала надежда на то, что это скоро закончится. Еще несколько дней назад я был, как мне казалось, абсолютно здоров, а теперь я не знал чего ожидать.

Мы все же решили вызвать гематологическую бригаду. Но, к сожалению, и врачи столкнулись с тем, что не могли понять, почему кровотечение не проходит. Мы вызывали их каждый день, и общее недоумение лишь росло. Они, как и мы, ждали переломного момента.

К концу недели у меня начала подниматься температура. Ко всему прочему добавился еще и жар. Не могу сказать, что она была высокая, но она не спадала. Опыт показал, что избранный способ лечения неэффективен. Воплощение в жизнь значительного числа советов, полученных от друзей и знакомых по телефону, так же не приводили к желаемому эффекту. Из-за температуры у меня постоянно мерзли ноги. Приходилось использовать грелку, чтобы их отогреть, ибо теплые шерстяные носки абсолютно не помогали.

День за днем я проводил за телевизором или компьютером, неуклюже управляясь с мышкой левой кистью. Просматривая передачи и фильмы один за одним, я слабо вдавался в их суть из-за жгучей боли. Я отрешенно смотрел на все, как будто со стороны.

Я не хотел употреблять в пищу ничего горячего, только салаты и фрукты. Аппетиту мешала температура. Она была предвестником чего-то нехорошего. Это я понимал по поведению и взглядам родственников. Сам я был склонен верить в скорый успех. Последний раз тяжелое кровотечение было у меня в четыре года. Тогда болело колено. Но это было давно, и я уже забыл, как это бывает.

К началу следующей недели рука в области локтя и предплечья начала краснеть. Мы пытались объяснить это по-разному, выдвигая те или иные гипотезы, но, ни одна из них, как выяснилось потом, себя не оправдала.

Неделя 2. Борьба
(02.05 – 08.05)

Друзья посещали меня ежедневно, не говоря уже о бабушках и отце. Собственно для меня это было привычно, так как мы с мамой очень гостеприимны. Конечно, присутствие близких людей в той или иной степени помогало справиться с унынием, сглаживало душевные и физические терзания, но каждую ночь я оставался один на один со своей проблемой. Нет, мама, безусловно, тоже не спала и всячески мне помогала, но мое состояние было подвластно неотпускающей ни на минуту боли.

Боль была постоянной и начала трансформироваться в чувство, без которого невозможно представить существование. С каждым такое бывает, когда он заболевает. Кажется, что ты никогда не будешь здоровым, ты просто не мыслишь себя таким. Но проходит время, здоровье восстанавливается, и люди испытывают небывалую эйфорию. Поистине, чтобы сделать человека счастливым, достаточно что-нибудь у него отобрать, а потом вернуть. Ценить то, что имеешь, начинаешь только после того, как это потеряешь. Такова природа человека. Но с этим можно и нужно бороться.

Краснота на руке не проходила. Напротив, с каждым днем она все больше себя обозначала. На этом фоне температура начала расти еще выше. Объяснив нам, что, с высокой долей вероятности это воспаление, врачи решили безотлагательно везти меня в больницу. Как и любой другой человек в моей ситуации, я жутко не хотел туда ехать. Я знал, что эта поездка не ограничится двух-трехдневным пребыванием в ее стенах. Но отступить было некуда, рука была слишком запущена. Я перестал сопротивляться и, смирившись с тем, что это действительно необходимо, стал собираться в поездку.

Как только нас с мамой привезли к месту назначения, меня начал осматривать заведующий гематологическим отделением. Его слова утешали слабо. Сильнейший гемартроз, сопровождающийся массивной гематомой и сепсисом. Меня решили несколько дней понаблюдать. Нам повезло, нас с мамой определили в палату, где никого не было. Она не могла оставить меня одного из-за моего тяжелого состояния.

Мне сразу же прописали огромное количество препаратов для укрепления иммунитета и организма в целом. С этого момента я вводил по 8000 единиц фактора свертываемости ежедневно, по 4000 утром и вечером. Несколько дней мне давали прописанные лекарства, подолгу ставили капельницы и делали специальные компрессы на руку с мазью Вишневского. Это темно-коричневая, вязкая субстанция, с неприятным запахом.

К началу следующей недели, поняв, что положительной динамики не наблюдается, доктора стали уговаривать нас решиться на местное хирургическое вмешательство. Многие отговаривали нас от этого шага. И родственники, и друзья, и знакомые, сведущие и несведущие в этой проблеме в один голос твердили, что этого делать нельзя. Свою позицию они аргументировали просто: "Один раз в сустав залезут, и он уже никогда не будет здоровым".

Какое-то время нам удавалось отсрочить неизбежное, но вскоре мы сдались. Начались майские праздники. Обеспокоенные моим состоянием, лечащий врач и заведующий отделением вышли на работу в свой выходной проверить мое самочувствие. Тянуть дальше было небезопасно. И потом, я сам жаждал улучшения как никто другой и уже был готов на многое, чтобы стало легче. Было принято решение немедленно оперировать сустав.

Неделя 3. Операция

(09.05 – 15.05)

Я морально готовился к предстоящему. Мне казалось, что это событие разделит мою жизнь на до и после. Но я понимал, что отказаться от этого уже не могу. У меня был опыт хирургических вмешательств. Несколько лет назад мне вырезали что-то вроде фурункула. Это не было связано с гемофилией. Тогда все прошло без осложнений и меня выписали через неделю.

Ко мне в палату зашла медсестра и попросила надеть соответствующее одеяние. По-другому я не могу назвать кусок белой ткани с дыркой для головы и узорами в виде цветов, похожий на сорочку. Я облачился и меня повели в операционную.

Ожидание, того, что будет происходить, не давало покоя. Несколько раз я хотел вырваться и убежать оттуда, но опасность ситуации всякий раз меня останавливала.

Я лег животом вниз на кушетку. Не могу сказать, что она была мягкой, но я не ощущал неудобств. Все вокруг казалось мне мелочным по отношению к тому, что скоро начнется. В то время как два хирурга и медсестра занимались подготовкой к операции, я собирался с мыслями. В операционной было огромное окно, завешанное большими прозрачными шторами. Судя по тому, что все помещение было ярко освещено, на улице была прекрасная солнечная погода. Я завидовал абсолютно всем людям, которых видел через окно. Мне казалось, что мое пребывание в стенах больницы бесконечно несправедливо. Мои тяжелые рассуждения прервал голос медсестры – все готово к операции.

Врачи выстроились вокруг меня. При помощи левой руки я положил правую на своеобразный выступ. Мне велели отвернуться. Благодаря опыту прошлой операции, это меня не насторожило. Краем глаза я успел увидеть, что руку обработали большим количеством йода и накинули на нее большую дырявую салфетку.

Я затаил дыхание, с минуты на минуту ожидая укола обезболивающим. Так как операция была локальной, предусматривалось использование лишь местной анестезии. Я практически ничего не почувствовал когда ввели анестетик. Это ненадолго вселило в меня надежду, что операция пройдет безболезненно. Надрез сделали действительно не больно. Но мои надежды рухнули, как только хирурги начали проникать в сустав. Это была дикая боль. У меня сложилось впечатление, что обезболивающее не подействовало. Было ощущение, что они влезли в локоть руками и проворачивают их там внутри. Единственное, что пришло мне в голову, чтобы себя хоть как-то успокоить, это события военных лет. Сравнение своих ощущений с мучениями, которые, как я предполагал, испытывали раненые, голодные, уставшие солдаты, придало мне сил. Думать о том, что, возможно, проводить такие параллели не хорошо, я не хотел. Как будто облаком разум обволакивала мысль: «Только бы это прекратилось! Оставьте меня в покое!».

Словно услышав мой крик души, доктора стали заканчивать операцию. Я понял это потому, что один из них ушел, а медсестра стала искать бинты. Я не понимал, что чувствую. Ощущений было много. И боль, и радость, и спокойствие, и тревога. Привести мысли к общему знаменателю мне не удалось, и я решил, что поразмышляю об этом позже.

Через некоторое время я уже был в палате. Привычная боль изменилась. Она стала менее постоянной, но более пульсирующей. Я психологически вымотался и хотел поспать, но тут анестезия начала отходить. «Ну почему они использовали новокаин?». Эта мысль не давала мне покоя несколько часов. Действие этого анестетика проходит очень болезненно. К обеду новокаин отпустил полностью, и рука продолжила болеть с удручающим обыкновением. Я по возможности принял удобную позу, и мне удалось уснуть.

Вечером зашла медсестра со шприцом в руке. Оказалось, что хирурги вставили мне в сустав трубку для откачки гноя. Она была аккуратно прижата повязкой. Сначала медсестра ввела мне специальную промывающую жидкость в сустав, а потом начала высасывать из него гной.

Такие процедуры проходили ежедневно, несколько раз в день. Они были слегка неприятны, но не могли идти в сравнение с непрерывной болью в руке. Врачи объяснили, что пока весь гной не будет выкачан из сустава, рана не затянется. Мы начали ждать улучшений. Во всяком случае, теперь, для уверенности в их наступлении появилась почва.

Неделя 4. Испытание (16.06 – 22.05)

Левая рука, деформированная еще в одиннадцать лет, вынуждена была взять на себя непривычные ей функции. Неожиданно возросшая нагрузка вызывала частые кровоизлияния в левый локтевой сустав. Я не мог сам осуществлять многие простые действия, поэтому мне постоянно нужен был кто-нибудь рядом с собой. Каждый день у меня дежурили мама или бабушки. Так как последний прием пищи был в половину шестого вечера, ближе к концу дня я хотел есть. Даже это вызывало определенные трудности.

Заняться порой было совершенно нечем. Я придумывал кроссворды, играл в карты, спал. Мама привезла маленький черно-белый телевизор, что не могло меня не порадовать. Я стал отвлекаться от боли и скуки. Потом бабушке удалось достать для меня на время ноутбук. Благодаря этому мой досуг стал еще разнообразнее. Я слушал музыку, играл в игры, писал программы, пытался выполнять институтские задания. Но во всем этом был огромный минус. Я очень сильно уставал от любой активности. У меня начинала болеть и кружиться голова. Я засыпал.

Ночью мне часто снились сны. В них я был здоров. Я по-прежнему был болен гемофилией, но я видел себя прежнего, до последних событий. Это было очень тяжело. Просыпаясь по утрам, я не переставал верить, что сейчас я встану, разогну руку и побегу, куда глаза глядят, но с пробуждением от сна возвращалась боль, неудобная поза и неведение.

Ко мне, как и прежде, приходили друзья и знакомые. Они приносили мне разные фрукты и соки. Разумеется, это было согласовано с врачами. Мне следовало много пить, чтобы свести на нет опухоль, и есть бананы, так как в них есть калий, который необходим организму, когда он обильно теряет жидкость. Это мне сильно помогало. Но мне физически было тяжело выдержать продолжительные беседы. Вскоре мне становилось плохо, и я засыпал.

Периодически ко мне приходил отец. Он предлагал поиграть в шахматы, благо в больнице они имелись в наличии. Не знаю, как, но мне удалось победить его дважды. Я не выигрывал у него уже много лет. И вообще, после восьми лет усердных занятий этой мудрой игрой я так и не научился играть лучше него. Возможно, он поддался, но что-то мне подсказывает, что это не так.

Сколько можно терпеть боль? Я не раз задавал себе этот вопрос за последнее время. И понял, что человек выносливее, чем я думал. Благодаря этому выводу я смог, или, во всяком случае, попытался объяснить себе многие, до этого момента непонятные для меня исторические факты. Это в какой-то мере придало мне моральных сил, но удивляться поступкам других всегда проще, чем сделать их самому. Уверенность в положительном исходе постоянно колебалась. Непонимание причин и следствий происходящего, иногда повергало нас в глубокие раздумья. Но они ни к чему не приводили.

Каждое утро у меня брали много анализов, так что мне приходилось просыпаться ни свет, ни заря. Конечно, я сильно уставал от этого, но, в конце концов, это дало свои результаты. По словам врачей, с высокой долей вероятности, воспаление на фоне сильного кровотечения в сустав

и в мышцу было вызвано тем, что у меня в крови постоянно находился вирус герпеса. Дело в том, что этот вирус, однажды попав в кровеносную систему человека, навсегда остается в нем. В большинстве случаев он находится в подавленном состоянии, но когда иммунитет падает, есть опасность, что герпес проявит себя. Масло в огонь мы подлили, когда стали держать сустав под холодной водой и мазали руку благоприятными для развития воспаления мазями. Мы и не думали, что это может привести к подобному исходу. Кровотечение, по мнению специалистов, было вызвано стрессом. Они объяснили это тем, что в организме всегда есть слабое место. Оно не всегда одно и то же, и самому практически невозможно понять, где это место сейчас. Когда человек переживает сильное волнение, подчас называемое стрессом, его организм находит это слабое место и «выставляет» его под удар.

Подобная гипотеза не противоречила нашим собственным наблюдениям, и мы приняли ее за правду, несмотря на то, что она шла в разрез с нашим представлением о лечении таких кровоизлияний.

Неделя 5. Перерождение (23.05 – 29.05)

Время шло своим чередом. Я постепенно начинал чувствовать себя лучше. Рана медленно затягивалась. Я усердно продолжал пить воду в больших количествах. Это приносило свои плоды. Опухоль постепенно спадала. У нас появилась стойкая уверенность, что мучения скоро закончатся.

В больнице, где я лежал, была часовня. Она представляла собой небольшое помещение на последнем этаже, куда можно было прийти в определенные часы. Периодически к больным приходили сестры милосердия. Обычно они были одеты в белые халаты и белые наголовники с красными крестами. Меня, как и других больных, они не обделили своим вниманием.

В один из своих визитов они предложили мне причаститься. Последний и единственный раз я причащался в момент крещения в далеком детстве. Сначала я отверг эту идею, посчитав, что мне это не нужно. Но, по прошествии некоторого времени, я согласился, убедив себя, что это может помочь.

Причастие – это своеобразный способ искупления грехов. Верующие приходят в церковь и общаются со священником, исповедуясь ему о поступках, которые они считают скверными. Я заранее отказался от подобной беседы, так как у меня не было моральных сил на столь ответственный разговор. Представители церкви пообещали провести причастие на следующий день.

Этот день я запомню навсегда. В палату зашли две сестры милосердия и священник. Как только он переступил порог палаты, я почувствовал, как помещение овеяло приятным теплом. Я не могу по-другому описать эти ощущения. Казалось, что он принес с собой что-то светлое, непорочное, доброе. Сестры приготовили необходимый для церемонии реквизит. Повернувшись к окну, священник начал читать молитву.

Если бы можно было измерить уровень положительной энергии, я бы сказал, что она зашкаливает за «допустимые нормы». У меня было впечатление, что звуки его голоса проходили через все мое тело. Это было невероятно приятное ощущение. Странное, необычное, но приятное. Священник повернулся ко мне и осенил меня крестным знаменем три раза. Сестры дали мне выпить вина и съесть просвиру, что является важнейшим этапом причастия. Вина было так мало, что оно не могло негативно сказаться на моем самочувствии.

Священник продолжил читать молитву. Раньше я много думал об этом, представлял себе как это, хотел верить, а теперь я стал это познавать. С полной уверенностью могу сказать, что я

ощутил на себе любовь Господа. То, о чем я так много размышлял ранее, теперь приобретало новые очертания и краски. Тогда я это лишь понимал, теперь я это чувствовал. По всему телу медленно разливалось тепло. Я многое понял, многое осознал, и в тот момент, как мне казалось, у меня произошла переоценка ценностей.

Священник закончил молитву. Церемония подошла к концу. Вскоре все вышли из палаты, пожелав мне скорейшего выздоровления. Оставшись один, я почувствовал, как во мне начинает преобладать положительная энергия. Я начал плакать. Это был неконтролируемый, очень сильный приступ. Не помню, когда в последний раз я так рыдал. Было ощущение, как будто из меня выходит зло, и его очень много. Это продолжалось минут двадцать. Это было поистине прекрасное ощущение, я как бы очистился от всего дурного, что присутствовало во мне так долго. Я успокоился. Я понял, что прозрел, что теперь я знаю наверняка то, во что многие только верят.

В дальнейшем еще не раз сестры милосердия заходили ко мне в палату. Одна из них даже спела мне несколько песен. У нее был чудесный голос. Я его не забуду. Я до сих пор храню тексты этих песен. Это приятные воспоминания. Опыт причастия в зрелом возрасте останется со мной навсегда, так как ощущений подобной силы я до этого не испытывал.

Неделя 6. Исцеление (30.05 – 05.06)

Старательные меры врачей и моя бдительность возымели действие. Большое количество препаратов, в том числе сильные иммуностимулирующие средства сработали на ура. В один из дней я решил попробовать удерживать свою правую руку навесу, без помощи левой. Когда мне это удалось, радости не было предела. Передо мной открылись светлые перспективы возвращения руки к былой работоспособности.

Меня все чаще вызывали на перевязки. Это говорило о том, что процесс заживления протекал стремительно. Рана была достаточно глубокой, но успешно рубцевалась. С каждым днем я чувствовал себя лучше. Из возможных лечебных процедур мне назначили облучение специальными волнами, которые заживляли капилляры. Это тоже способствовало быстрому выздоровлению.

Вскоре мое самочувствие стабилизировалось и меня выписали. Я пролежал в больнице тридцать пять дней. Первое время было тяжело принимать ванну или выходить на улицу, так как приходилось постоянно оберегать руку. Это вызывало определенные трудности при перемещении в транспорте, ведь мне какое-то время после выписки приходилось ездить в больницу на перевязку и осмотр сустава.

Тем летом я съездил в два оздоровительных лагеря. Там я ходил на массаж и на процедуры с лечебными грязями. Но при всем стремлении восстановить прежние двигательные функции сустава не удавалось.

Спустя некоторое время после летних лагерей я пытался сам работать с рукой на сгибание и разгибание сустава. Поняв, что в этом деле нужны определенные навыки, я решил поэкспериментировать с физической нагрузкой: поднимал гантели, отжимался, как мог, делал различные упражнения. Но, к сожалению, и это не помогло. Рука так и осталась в полусогнутом, наименее болезненном в период кровотечения, состоянии. Это, конечно, лучше, чем полностью согнутая или полностью разогнутая рука, но некоторые вещи теперь с ее помощью делать достаточно неудобно.

Эпилог. Последствия
(после 06.06)

Описанные события произошли со мной с 25 апреля по 6 июня 2006 года. В октябре того же года у меня случился сильнейший гемартроз правого колена. Какое-то время я мог передвигаться только при помощи палки. Я связываю это со стрессом, полученным в институте при сдаче долгов в конце сентября – начале октября. Тогда мне был поставлен ультиматум: либо я сдаю все до 6 октября включительно, либо меня отправляют в академический отпуск. Путем немислимых усилий мне удалось сдать все в сроки. Но это не прошло бесследно и через две недели здоровье подкачало.

В течение месяца я мучился от сильной боли. Несколько раз меня отвозили в больницу на консультации со специалистом. В стационар меня так и не положили. Со второй недели от начала кровоизлияния гематологическая бригада приезжала ко мне дважды в сутки, чтобы вводить криопреципитат, так как фактор VIII в моем запущенном случае уже был неэффективен. К счастью, районная поликлиника пошла нам навстречу и дала во временное пользование прибор для проведения процедуры электрофореза. Сочетание физиотерапии и традиционного лечения через четыре недели привели к ожидаемому улучшению. Каждый день я медленно прогуливался вокруг дома с друзьями. Это помогло, нога практически восстановилась. Из-за большого количества переливаний криопреципитатом почки не выдержали, и у меня случилась гематурия. С тех пор, как мы с ней справились, гемофилия как будто отступила. Последние три года я прожил весьма активно и с полной уверенностью могу сказать, что после этих случаев мне стало легче прислушиваться к своему организму и понимать его. Сейчас колено иногда дает о себе знать, но по сравнению с тем, что было, эти временные недомогания практически незаметны.

В большинстве случаев я ем и бреюсь левой рукой, мне трудно отжиматься и практически невозможно заниматься в тренажерном зале. Но обычно мне это не мешает. Теперь это мой образ жизни, и я к нему привык. Я понял, что если освоить определенные навыки поведения в той или иной ситуации, контролировать свое состояние станет проще.

Я ввожу фактор профилактически уже больше полутора лет. При этом наблюдается положительная динамика моего самочувствия. По большому счету я вообще забыл, что такое гемофилия. Изредка случаются кровотечения, но, как правило, несильные и кратковременные. Многочисленные анализы выявили мою индивидуальную особенность. Фактор в моей крови быстро распадается, поэтому максимального результата при остановке кровоизлияния можно достичь, если вводить препарат трижды в сутки с разницей в восемь часов. Я понял, что именно мы делали неправильно при лечении суставов. Это был хороший урок. Теперь я знаю, как себя лечить, какие превентивные меры необходимо применять для обеспечения безопасности своего здоровья. Этот нелёгкий опыт научил меня не отчаиваться в трудных ситуациях. Надеюсь, что у меня получится сделать в этой жизни все то, что я задумал.

«Моя жизнь в моих руках» - это главный вывод, который я сделал благодаря выпавшим на мою долю испытаниям. И, несмотря на то, какой ценой я пришел к этому заключению, я считаю, что все закончилось благополучно. Я не теряю надежду вернуть прежнее состояние своей правой руки. И мне известно, через что придется пройти ради достижения этой цели. Но я знаю, что эта игра стоит свеч...

автор:
Гундерин Никита, г. Санкт-Петербург,
гемофилия А, 23 года,
контактные телефоны:
8(950)-00-44-66-2, 8(921)-923-67-66

Волейбол. ДОЛ «Голубое озеро». 2007 год.

Бильярд. Летний лагерь в Керчи. 2007 год.

Футбол. Пансионат «Стрельна». 2008 год.

Настольный теннис. Пансионат «Стрельна». 2008 год.